

УДК 81'33

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-149-161>

Оригинальная научная статья

Потенциал колористических дескрипций листвы в продуцировании цветообозначений: на фоне художественного и рекламного дискурсов

Т. В. Сивова

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,

г. Гродно, Республика Беларусь

✉ t.sivova@grsu.by

Аннотация

В статье представлены результаты выполненного на материале текстов художественного и рекламного дискурсов исследования, цель которого выявить потенциал колористических дескрипций листвы на основе реконструированного сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка и описать функциональность колористических дескрипций листвы, в частности – их активность и продуктивность в создании новых терминов цвета, что представляется актуальным в свете стоящей перед лингвистикой цвета задачей создания по возможности полной версии описания цветовой концептосферы русского языка. Для достижения цели применяется комплекс методов (сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, количественной обработки данных), позволяющих решить следующие задачи: 1) установить состав значимых в перцепции и визуализации листвы в прозе К. Г. Паустовского, мастера художественного слова, терминов цвета; 2) раскрыть на материале функционирующих в художественном тексте колористических дескрипций листвы специфику цветовой манеры письма писателя; 3) выявить функциональный потенциал описаний листвы, реализуемый в художественном и рекламном тексте; 4) установить состав и специфику функционирования основанных на колористической дескрипции листвы рекламных терминов цвета. Основными результатами проведенного полидискурсивного исследования являются выявление и описание: 1) реестра терминов цвета, актуализируемых писателем в визуализации листвы, из которых 26 единиц относятся к ядру, более 30 расширяют цвето-световой диапазон; 2) доминанта цвета (желтый), несущая отпечаток индивидуально-авторской перцепции К. Г. Паустовского; 3) соотношения авторских цветовых предпочтений в визуализации листвы и русскоязычного цветового стандарта; 4) набора транслируемых терминами цвета значений; 5) стилистического разнообразия цветообозначений; 6) черт цветовой манеры письма писателя; 7) функционала выявленных в художественном тексте терминов цвета; 8) механизма продуцирования в рамках художественного и рекламного текста терминов цвета, основанных на колористической дескрипции листвы. Делается заключение о значимости полученных результатов как для описания индивидуально-авторской цветовой картины мира художника слова, так и для реконструкции цветовой концептосферы флористического пространства русского языка; о продуктивности полидискурсивного исследования цветовой концептосферы, позволяющего, с одной стороны, фиксировать процесс создания терминов цвета, инвентаризировать их, с другой – эксплицировать основания их создания и использования.

Ключевые слова: лингвистика цвета, лингвистическая цветология, термин цвета, цветová концептосфера, фитоним, языковая картина мира, К. Г. Паустовский, рекламный дискурс, художественный дискурс, лексика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Сивова Т. В. Потенциал колористических дескрипций листвы в продуцировании цветообозначений: на фоне художественного и рекламного дискурсов. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 149–161. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-149-161

Original article

The potential of foliage colour descriptions for creating colour terms: a study of artistic and advertising discourses

Tatiana V. Sivova

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

✉ t.sivova@grsu.by

Abstract

The article presents the results of the research carried out on the material of texts of artistic and advertising discourses. The study aimed to identify and describe the functionality of foliage colour descriptions, particularly their activity and productivity in creating new colour terms, based on a reconstructed segment of the colour concept sphere within the floral space of the Russian language. This is relevant to the field of colour linguistics, which seek to create as complete a description as possible of the Russian language's color concept sphere. To achieve this goal, several methods were used (continuous sampling, descriptive and analytical processes, contextual, method of quantitative data processing) to address the following objectives: 1) to determine the quantitative and qualitative composition of colour terms significant in the perception and visualisation of foliage in the prose of Konstantin Paustovsky, a master of the artistic prose; 2) to reveal the specificity of Paustovsky's colour-related writing style through the analysis of foliage colour descriptions functioning in his artistic text; 3) to identify the functional potential of foliage descriptions realised in fiction and advertising text; 4) to establish the composition and function of advertising colour terms based on colouristic descriptions of foliage. The main results of this polydiscursive research include the identification and description of: 1) the register of colour terms used by Paustovsky to visualize foliage, of which 26 units belong to the core vocabulary, and more than 30 units expand the colour and light range; 2) the dominant colour (*yellow*), reflecting K. Paustovsky's individual perception; 3) the correlation between the Paustovsky's colour preferences in foliage visualization and the Russian-language colour standard; 4) the set of meanings conveyed by the colour terms; 5) the stylistic diversity of colour terms; 6) the characteristics of Paustovsky's colour-related writing style; 7) the functionality of colour terms identified in the fiction text; 8) the mechanism by which colour terms are produced within both fiction and advertising text, based on coloristic description of foliage. The study concludes that the obtained results are significant for describing both the individual colour picture of the world of Paustovsky, and for reconstructing the colour concept sphere of the floral space of the Russian language. Furthermore, the productivity of this polydiscursive study of the colour concept sphere allows for the recording and inventory of the process by which colour terms are created, and also for the explication of the foundations for their creation and use.

Keywords: linguistics of colour, linguistic colorology, colour term, colour conceptosphere, phytonym, linguistic picture of the world, Konstantin Paustovsky, advertising discourse, artistic discourse, vocabulary

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Sivova T. V. The potential of foliage colour descriptions for creating colour terms: a study of artistic and advertising discourses. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 149–161. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-149-161

Введение

Цвет, будучи важной категорией когниции, правомерно находится в фокусе современных лингвистических исследований (см. работы Р. В. Алимпиевой, Н. С. Братчиковой, А. П. Василевича, Ю. В. Гуз, О. Б. Ермаковой, С. В. Кезиной, В. Г. Кульпиной, Е. В. Рахилиной, Р. М. Фрумкиной, В. К. Харченко и др.). Обращение к художественному дискурсу с позиций лингвистики цвета [1–3] раскрывает перед исследователями возможности реконструкции языковой картины мира писателя, его цветовой картины мира, что способствует решению ряда актуальных задач, стоящих перед специалистами, работающими в области лингвистических исследований цвета. Раскрывая функциональный потенциал терминов цвета, в частности эстетическую функцию, В. Г. Кульпина отмечает, что «художественные тексты выражают в первую очередь художественные смыслы, в связи с чем для них чрезвычайно важна эстетическая функция, в которой широко употребляются термины цвета» [3, с. 18].

Проблема концептуализации природного пространства в прозе К. Г. Паустовского, в силу значимости природы в языковой картине мира признанного мастера художественного слова, является особым научным интересом лингвистов (см. работы И. С. Болдоновой и С. С. Имхеловой, И. С. Куликовой Е. В. Летохо, С. А. Мантровой, Т. В. Сапрыкиной, Т. В. Сивовой, Н. П. Хрящевой и др.). Соответственно, индивидуально-авторская колористическая репрезентация природного пространства писателем с «живописным», по выражению Л. Н. Мироновой, видением мира, представляет исследовательский интерес, а описание цветовой концептосферы флористического пространства прозы К. Г. Паустовского становится актуальной исследовательской задачей. Более того, представляется продуктивной экстраполяция полученных в ходе исследования фрагмента цветовой концептосферы произведений К. Г. Паустовского результатов на других дискурсах, например, рекламного, поскольку: «в текстах рекламы может проявляться переплетение функций <терминов цвета> – рекламной, персуазивной, эстетической, аксиологической» [3, с. 19].

Таким образом, целью данного, носящего полидискурсивный характер исследования (привлекаются как художественные, так и рекламные тексты) являются выявление и описание функционала колористических дескрипций листвы, в частности – их продуктивности в создании новых терминов цвета – на основе реконструированного сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Задачи исследования: 1) установить и охарактеризовать количественный и качественный состав функционирующих в прозе К. Г. Паустовского, мастера художественного слова, значимых в визуализации листвы терминов цвета (ТЦ), представив полученный реестр ТЦ в модели поля, демонстрирующей как доминанту цвета, так и способы расширения цветового спектра; 2) раскрыть на материале колористических дескрипций листвы специфику цветовой манеры письма К. Г. Паустовского; 3) выявить функциональный потенциал описаний листвы, реализуемый как в классическом художественном, так и в современном рекламном тексте; 4) установить состав основанных на колористической дескрипции листвы ТЦ, функционирующих в рекламных текстах, описать специфику создания и использования искомых ТЦ; оценить продуктивность модели и активность процесса создания ТЦ на основе цветového описания листвы.

Актуальность и новизна освещаемой в статье проблемы обусловлены, с одной стороны, рядом существующих исследований, авторы которых обращаются к проблеме колористической визуализации листвы (Е. П. Акулинина, С. А. Кокорин, И. А. Макевнина, И. А. Подюков, С. В. Яковлева и др.), с другой – исследовательской

лакуной, которую представляет, по нашим наблюдениям, специфика визуализации листвы в цветовой картине мира К. Г. Паустовского. С третьей – фиксируемой нами в рекламном дискурсе активностью процесса продуцирования ТЦ, созданных на основе колористической дескрипции листвы.

Обзор литературы. Актуализируемая в описаниях листвы цветная составляющая обладает мощным функциональным потенциалом, который спорадически оказывается в фокусе научно-исследовательского внимания филологов. Так, обращаясь к диалектам, И. А. Подюков отмечает, что в названиях природных объектов часто фиксируется доминирующий цвет: «внешние физические свойства объекта отмечают названия практически по всем основным цветам» [4, с. 8], иллюстрируя свое наблюдение, в частности, фитонимами белолистка, белокрыльник болотный (нижняя поверхность листьев имеет белесый оттенок); белокопытник (по форме опущенных снизу белым листьев, похожих очертаниями на след конских копыт) [4]. Обращаясь к художественному дискурсу, С. А. Кокорин выявляет функциональный потенциал цветообозначений как «средства создания и отражения внутреннего мира лирического героя в поэтическом творчестве Есенина» [5, с. 161] и фиксирует уникальное описание листвы (Люблю, когда на деревьях // Огонь зеленый шевелится), комментируя его следующим образом: «листва сравнивается поэтом с хаотичным движением пламени огня во время процесса горения; однако в контексте употребляется колоритом зеленый, что соответствует цветовой характеристике листвы на дереве; прямое номинирование цвета огня отходит на задний план» [5, с. 163]. З. А. Камаль, выявляя роль флористической лексики в репрезентации картины мира С. Есенина, отмечает использование поэтом лексем лист, листва для создания зооморфных и антропоморфных образов; колористические описания листвы, по наблюдению З. А. Камаль, создаются Есениным с использованием перифразы, метафоры, сравнения: «для изображения зеленых листьев используют перифразы зелень золотистая и зелень пряная, для желтых осенних – метафоры и сравнения с медью, медными монетами и ржавчиной: медь с обветренных ракушек, как ворох меди, за копейки с золотых осин, листьев медь, ивовая ржавь» [6, с. 14]. И. А. Макевнина, исследуя на материале произведений В. Т. Шаламова поливариативность лексемы красный и ее производных, обращается к цветовому диапазону стихотворения «Пройдя оледенелой тропинкой», отмечая, что он, «смещаясь от “рыжей травы” до “грязной листвы”, формирует экспрессию, слегка смещенную в сторону минорной. Синтетические цветообразования – рыжий и грязный – воссоздают двуликое маргинальное стихотворное настроение». Ср.: Пройдя оледенелой тропинкой // Среди рыжей осенней травы. // Найди нам живую травинку // Под ворохом грязной листвы [7, с. 38]. Е. П. Акулинина, обращаясь к творчеству Б. Л. Пастернака, высказывает мысль о том, что для писателя «цвет является важнейшей характеристикой окружающего мира», а употребление им сложных форм цветообозначений, фиксирующих «наличие во флористической текстовой единице смешения нескольких цветов или сложный оттенок какого-либо цвета», свидетельствует «о точности и живописности пастернаковского описания природы: Загадочные птицы оказались винно-огненными листьями клена» [8, с. 15]. С. В. Яковлева, рассматривая сложности адекватного перевода тропов и фиксируя зону несовпадения в языковом восприятии цвета у разных культур, приводит в связи с ТЦ багряный фрагмент перевода стихотворения Г. Траля “Musik in Mirabell” («Музыка в Мирабелле»): Das Laub fällt rot vom alten Baum / кружит багряный лист осенний (пер. О. Бараш), комментируя его следующим образом: «в данном переводном тексте прилагательное rot, обозначающее красный цвет, конкретизируется до

значения “багряный”. Такой выбор в данном случае оправдан сочетаемостью прилагательного багряный в русском языке, которое часто применяется при обозначении цвета листвы деревьев. Однако в немецком языке прямого соответствия данному русскому прилагательному нет» [9, с. 233]. Изложенное свидетельствует, таким образом, о значимости цветового представления о листве в языковом сознании носителей языка и художников слова, о функциональном потенциале колористических дескрипций листвы, исследование которого вызывает научный интерес филологов и обуславливает актуальность нашего исследования, направленного на полидискурсивное его описание.

Материалом служат тексты произведений К. Г. Паустовского, включенные в Собрание сочинений в 9 т. [10], а также тексты рекламных объявлений, размещенных на сайте «Авито» [11]; закономерно обращение к лексикографическим источникам, например, к «Русскому ассоциативному словарю» [12], словарям цвета В. К. Харченко [13] и А. П. Василевича [14]. В целях исследования используется комплекс методов, среди которых методы сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, метод количественной обработки данных.

Результаты и обсуждение

Наше внимание в данной статье, продолжающей исследование как цветовой концептосферы прозы К. Г. Паустовского [15], так и цветовой концептосферы флористического пространства русского языка [16, 17 и др.], обусловлено рядом факторов, среди которых: 1) значимая в количественном отношении позиция лексем лист / листва (более 900 словоупотреблений) в реестре флористических доминант прозы К. Г. Паустовского: лес, цветок, сад, лист; 2) актуализированный в произведениях словообразовательный потенциал лексем: лист, листок, листочек, лиственный, широколиственный, лиственный, листобойный, листопад, остролистник, червяк-подлистник. В контексте: начались с той поры листопады, и мокрая осень, и листобойные ветры [10, т. 6, с. 157]; 3) роль лексем в репрезентации флористического многообразия произведений; ср. в корреляции с номинациями а) деревьев и кустарников (акация, бамбук, банан, брусника, бузина, верба, ветла, груша, драцена, дуб, ива, каштан, клен, лимон, липа, магнолия, мандарин, олеандр, ольха, орех, орешник, осина, осокорь, пальма, платан, рододендрон, сирень, смоковница, тamarиск, тут, хлебное дерево, черемуха, эвкалипт и др.); например: вместо листьев березы много листьев вяза и тополя [10, т. 7, с. 15]; б) травянистых растений (айр, астра, герань, земляника, ирис, ландыш, табак, телорез): широкие, как сабли, листья аира [10, т. 6, с. 445]; в) злаковых: невесомые листья кукурузы [10, т. 5, с. 157]; г) комнатных: дрожали листья фикусов [10, т. 4, с. 8]; д) огородных / овощных: прикрытой капустными листьями [10, т. 2, с. 394]; е) водных: листья кувшинок [10, т. 4, с. 262]; ж) споровых растений: свернутые спиралью листья папоротника [10, т. 8, с. 95]; также з) совокупностей растений: кудрявая листва виноградников [10, т. 4, с. 448]. Помимо «ядерных» лексем лист, листва, в прозе К. Г. Паустовского фиксируются лексемы игла, хвоя: они коррелируют с ТЦ, проявляя специфику цветовосприятия писателя, и заслуживают отдельного рассмотрения.

Проза К. Г. Паустовского. Цвет листвы. Колористический спектр: количественный и качественный состав представим в модели поля (начиная с околоядерной границы зон обнаруживают диффузность).

Ядро составляют ТЦ, принадлежащие основным блокам цвета, согласно Р. М. Фрумкиной [18, с. 54]. Блок «красные» (багровый, багряный, красный, алый, розовый). В контекстах: отразилось множество багровой листвы, желтые стены камышей [10, т. 7, с. 125]; Камеронова галерея, меркнувшая в багрянце листвы [10, т. 3, с. 104]; с веток дождем сыпались красные листья [10, т. 7, с. 37]; видел

листву не только золотую и пурпурную, но и алую [10, т. 6, с. 157]; шелестели розовые листья платанов [10, т. 6, с. 126]. Квазиблок «оранжевые» (рыжий, ржавый, бронзовый): Колеи были засыпаны рыжими листьями [10, т. 2, с. 140]; гул штормов и ржавая листва акаций [10, т. 8, с. 291]; лучи превратили листву в груды бронзы [10, т. 1, с. 595]. Блок «желтые» (золотой, желтый, лимонный): листва золотеет во время сырости и дождя [10, т. 7, с. 376]; желтые листья ив, пахнущие сладкой сыростью [10, т. 1, с. 406]; осина дрожала лимонными нежными листьями [10, т. 6, с. 411]; «промежуточные» имена цвета (рыжий, ржавый, медный, бронзовый). Блок «зеленые» (оливковый, зеленый, изумрудный): у омелы овальные листочки оливкового цвета [10, т. 3, с. 344]; пробиравшихся в зеленых туннелях листвы [10, т. 1, с. 506]; пучки огромных мечевидных изумрудных листьев [10, т. 5, с. 502]. Блок «синие» (синий): листья осин, где по лимонному полю были разбросаны черные и синие пятна [10, т. 6, с. 170]; «промежуточное» сизый: с деревьев слетали сизые листья [10, т. 7, с. 120]. Блок «фиолетовые» (фиолетовый, лиловый): <видел листву> не только золотую и пурпурную, но и фиолетовую [10, т. 6, с. 157]; сухие лиловатые листья платанов [10, т. 7, с. 155]. Блок «серые» (серый, свинцовый, черный): оливковые сады с серой листвой [10, т. 7, с. 79]; рассматривал листья с изнанки, где желтизна была тронута легкой свинцовой изморозью [10, т. 6, с. 171]; апельсины пылали на черной листве [10, т. 1, с. 292]; «промежуточные» (серебристый, серебряный, сизый). Блок «белые» (белый): на одном листе <белокрыльника> прорисована широкая белая полоса [10, т. 3, с. 612]; «промежуточные» (серебристый, серебряный). Блок «коричневые» (коричневый, бурый): сухие коричневые листья кленов [10, т. 5, с. 264]; Бурая листва дает темный настой [10, т. 3, с. 616]. Оценивая качественный состав ТЦ, отметим широкую представленность репрезентантов блока «красные» (багровый, багряный, красный, алый, розовый), прогнозируемую – квазиблока «оранжевые», блоков «желтые», «зеленые», «промежуточных» ИЦ (рыжий, ржавый, медный, бронзовый); фиксируем расширение спектра членами блоков «серые», «фиолетовые», «коричневые», более того – «синие», «белые». Только ядро цвета включает 26 ТЦ, доминантой спектра становится желтый (более 50 словоупотреблений); далее по ранжиру – зеленый, золотой (свыше 30). В спектре, значимом в визуализации листвы, нашли отражение как авторские цветовые предпочтения, так и русскоязычный цветовой стандарт восприятия листвы. «Русский ассоциативный словарь» фиксирует на стимул «лист» цветовые реакции: зеленый, белый, желтый, зелень, багровый, белизна, желтое, зеленеющий; на стимул «листва» – зеленая, желтая, зелень, желтая осень, желтая шуршит под ногами, зеленый, пожелтевшая [12, с. 295]. Можно сравнить с выявленными В. Г. Кульпиной цветообозначениями яркий [2, с. 56], багряный, рдяный [2, с. 75], желтый, лимонный, янтарный [2, с. 87–88], золотой [2, с. 91], зеленый [2, с. 94]. Принадлежащие ядру ТЦ активны в создании композитов, расширяющих оттеночную палитру дескрипций (сизо-желтые листья акации; бешено-зеленые виноградные листья; в черно-зеленой пещере из листвы и др.): Подсыхающие бледно-лиловые листочки тополей шевелились от ветра [10, т. 4, с. 82].

Околоядерная зона поля цвета включает 1) цветолексемы, не входящие в блоки цвета, но зафиксированные лексикографически: оловянный ‘темно-серый’, ‘цвета олова’: сады стояли как бы в оловянной листве [10, т. 4, с. 316]; фарфоровый ‘матово-белый’, ‘нежный’: фарфоровые листья рододендронов валялись в траве [10, т. 1, с. 538]; 2) стилистически маркированные: Древние сосуды светились в сумрачном музейном зале, как груда больших осенних листьев. Червонный блеск падал от них на все окружающее [10, т. 9, с. 368]; 3) авторские дескрипции: береза роняет лимонные листья, дуб – коричневые, хмель – листья цвета рогожи

[10, т. 7, с. 390]; трескучий от сухих листьев сентябрьский день. Розоватый, едва тронутый линиялым золотом дым подымался над кущами деревьев [10, т. 7, с. 174].

Ближняя периферия цветового поля представлена: 4) лексемами с корнем -цвет- (цвет, многоцветный, разноцветный): ивы меняют цвет листы от ветра [10, т. 5, с. 492]; деревья сажаются с таким расчетом, чтобы многоцветная по оттенкам листва радовала глаз [10, т. 3, с. 97]; 5) лексикой изобразительного искусства с семей 'цвет' (краска, раскраска; киноварь, побледневшее золото, сусальная позолота, чернь): лист винограда, окрашенный в побледневшее золото или темную киноварь и пронизанный спокойным солнцем [10, т. 7, с. 183].

Дальнюю периферию формируют: 6) лексемы со значением интенсивности окраски (прозрачный, бледный, блеклый, мягкий, светлый – сочный, яркий, пожар, костер – тяжелый, темный): в туман и блеклую листву платанов Эрменонвиле [10, т. 5, с. 446]; <лист осины> пурпурный, лиловый и даже черный с золотым крапом. Под солнцем получается великолепный костер [10, т. 3, с. 368]; 7) т. н. образные ТЦ, в которых образная составляющая доминирует над цветовой (праздничный, нарядный): рядом с праздничной листвой садов тяжелое лицо Ширяева [10, т. 3, с. 559]; 8) с цвето-световым знач. (глянцевитый, лакированный, сверкать, сияние и др.): город был в зеленоватом и золотистом блеске первых листьев [10, т. 4, с. 29]; свет – неяркий и неподвижный – был непохож на солнечный. Это светили осенние листья [10, т. 6, с. 156].

Таким образом, спектр, значимый в визуализации листвы в прозе К. Г. Паустовского (доминанта *желтый*), только ядро которого включает 26 ТЦ, а расширение осуществляется с помощью более 30 единиц, в полевой репрезентации обнаруживает стилистическое многообразие ТЦ, переход от цветовой составляющей к эмоциональной, от цветового поля к световому, демонстрирует широкий спектр других значений, транслируемых ТЦ (значение интенсивности, утраты цвета), а также языковые потенции, получающие реализацию в продуцировании ТЦ.

Цветовая манера письма К. Г. Паустовского в создании дескрипций листвы. В функционировании колористических дескрипций листвы проявляются присущие цветовой манере письма К. Г. Паустовского черты, среди которых 1) создание эффекта многоцветности, который достигается посредством цепочек цвета (см. подробно в: [19]): вплоть до 8-ми компонентных: видел листву, не только золотую и пурпурную, но и алую, фиолетовую, коричневую, черную, серую и почти белую [10, т. 6, с. 157]. В ЦЦ находит отражение многообразие цветовых оттенков: прилип лимонный лист вербы. Желтизна его была припудрена серебряной мельчайшей росой [10, т. 1, с. 385]; гармоничная сочетаемость цветов: осеннее золото одних деревьев оттеняло пурпур других, а лиловатость третьих создавала законченное обрамление [10, т. 3, с. 97]; 2) интенсификация цветового впечатления, которая проявляется а) в наделении колористической характеристикой светового явления, например, сумрака. Примечательно, что в цветовом диапазоне, используемом К. Г. Паустовским для создания описаний сумрака (золотой, желтоватый, синеватый, сиреневый, сизый, серый, разноцветный), доминирует зеленый, что обусловлено, в первую очередь, окраской листвы (листва ленинградских садов, создававшая в комнатах зеленый сумрак; с зеленоватым сумраком и тишиной). Таким образом, в цветовой картине мира писателя сумрак не только поглощает цвет: сумрак затянул всё, что перед этим сверкало разнообразными красками, светом [10, т. 8, с. 252]; но и окрашивается, преимущественно в цвет листвы; б) в акцентировании фактора освещения: лист загорался по очереди золотым пламенем от луча закатного солнца [10, т. 6, с. 453]; листва наделяется способностью излучать свет: Казалось, что в глубине, под колесами самолета, горят тысячи свечей. Это светила

последняя сухая листва [10, т. 2, с. 451]; в) актуализации эффекта отражения: зрочки <у девочки> зеленоватые и в них поблескивает огоньками листва [10, т. 6, с. 495]; г) в создании контраста: Золотые плоды, похожие на электрические лампочки, горели в черной листве [10, т. 1, с. 501]; д) в установлении контекстуальных (ассоциативно обусловленных) параллелей: Листва печально висела, касаясь земли, серая и мертвая [10, т. 1, с. 587]; е) в комбинировании различных каналов восприятия: много этого лиственного шумного золота скопилось в оврагах, куда не проникал ветер [10, т. 7, с. 119]; воздух крепко настаивался в чащах, на золотом листе [10, т. 6, с. 111]; 3) акцентирование обусловленности цветовой характеристики: а) влиянием природных факторов: лиловый от холода и мертвый лист водяной лилии [10, т. 6, с. 478]; Растительность высыхала. Зелень переходила в цвет бронзы [10, т. 7, с. 376]; б) темпоральным фактором: листва осокорей едва трепещет, розовая от заката [10, т. 3, с. 617]; реже в) влиянием человека: стирал белую пыль с листьев <винограда> [10, т. 6, с. 274].

Функциональный потенциал колористических дескрипций листвы реализуется в 1) онтологической функции: Ветер переворачивал листву ольхи, снизу она была серой [10, т. 1, с. 506];

2) изобразительно-выразительной: вынестись в разноцветный пожар мокрой листвы [10, т. 7, с. 130];

3) прототипической, представляющей исключительный интерес для данного исследования, свидетельствующей о тенденции создания на основе колористической дескрипции листвы ТЦ: Пиджак у него был синий, кепка зеленая, галстук цвета осенних листьев [10, т. 9, с. 82]; <палитра> светит суриком, красным вином, осенним цветом виноградного листа [10, т. 5, с. 503]. Данные ТЦ пополняют реестр фиксируемых в словарях цвета единиц. Ср.: а) цвет листьев березы 'бледновато-зеленый' [13, с. 231]; б) цв. лиственный, березовый лист, брусничный лист, весенняя листва, ивовый лист, красная листва, лист осины, лист пальмы, листья клевера, листья мать-и-мачехи, листья розы, листья укропа, мокрые листья, молодая листва, опавшие листья, осенние листья, пожухлая листва, прелые листья, припыленный лист, прошлогодний лист, свежая листва, серебристая листва, смородиновый лист, табачный лист, увядающий лист [14, с. 132–139]; цв. прошлогодний лист 'черно-бежевый', шелест листьев 'темный светло-серый хаки' [14, с. 154–157]; пожелклый лист 'цвет пожухлой листвы, буровато-желтый', дубовый 'цвета дубового листа', ивовый 'зеленый оттенок ивового листа', мертвые листья цвет не определен, мятный 'зеленый цвет листа мяты', осиновый 'светло-зеленый цвет осинового листа' [14, с. 171–176];

4) хронотопической – в функции создания цветового времени-пространства произведения, т.е. цветового хронотопа (подробно в: [19]). Так, искомые описания принимают участие в конструировании 4.1 цветового пространственного измерения, а в нём – 4.1.1 пространства природы: а) флоры; б) фауны (бабочка, рыба): ивовый лист – узкий, серебряный, вроде рыбки уклейки дрожал в бегучей воде [10, т. 7, с. 23]; в) воздушной сферы (воздух, небо, туча): <народ> дивится на листвяные красные тучи [10, т. 7, с. 44]; г) водной: <птицы> ныряли в листву, будто в зеленую воду [10, т. 4, с. 24]; на основе цвета может устанавливаться тождество пространств: вода <Азовского моря> была по цвету похожа на желтоватую листву акаций [10, т. 6, с. 471]; д) ландшафта: пространства разноцветной земли, то коричневой и сожженной небом, то черной от листвы лимонных деревьев [10, т. 3, с. 478]; 4.1.2 пространства человека: а) соматического и вестияльного: прижала ко рту рукав рубахи, вышитой красными дубовыми листьями, и рядом с ними по полотну расплзлось маленькое кровавое пятно, похожее на вышитый дубовый листок [10, т. 4, с. 27]; б) «вещного» мира:

это была не рама <зеркала>, а венок из стеклянных, бледно окрашенных листьев [10, т. 4, с. 89]; 4.1.3 пространства творчества: а) художественного слова: есть строфы, прекрасные по своей простоте: <...> И кажется вдруг генералу, // Что это зеленой листвою // Родные венгерские липы // Шумят над его головой [10, т. 8, с. 302]; б) фольклора: листья, куда попала птичья кровь, покраснели и тоже осыпались [10, т. 6, с. 157]; в) живописи: Чем больше я смотрю на эту картину, тем больше возмущаюсь. Разве это лимоны? А листья! Ведь это же осколки зеленой посуды [10, т. 1, с. 574]; на основе цвета листвы может устанавливаться тождество пространств: листья <виноградной лозы> пожелтели к осени. Они кое-где прикасались к фрескам Зографа, и их нельзя было отличить от светло-золотого сияния фресок [10, т. 7, с. 183]; 4.1.4 пространства морской навигации: рыбацьи банды на черных парусах уходили в море так плавно, что казалось, будто ветер разносит по морю черные осенние листья [10, т. 4, с. 469]; 4.1.5 географического пространства: Юг черен от нагромождений листвы [10, т. 7, с. 306]; 4.1.6 пространства города: Дворец просвечивал сквозь неясную темноту деревьев, как одинокий золотой лист светится ранней осенью сквозь гущу еще свежей и темной листвы [10, т. 2, с. 250]; – уже: комнаты: в квартире было тихо и в комнатах стоял зеленоватый полусвет от листвы [10, т. 3, с. 94].

Колористические дескрипции листвы принимают участие в создании 4.2 второй части цветового хронотопа – цветового темпорального измерения, а в нем а) преимущественно темпоральной координаты (ТК) «Период вегетации»: до ствола маленького дуба с прозрачными от молодости листочками [10, т. 2, с. 548]; б) «Время года»: Никто бы не поверил, что стоит уже конец августа, если бы на землю не слетали листья, покрытые слабой позолотой [10, т. 3, с. 101]; цвет маркирует отклонение от нормы: Листва акаций уже желтела (хотя был только июнь) [10, т. 1, с. 278]. Важно отметить, что в системе ТК произведений К. Г. Паустовского осень занимает особое место; в ее визуализации доминируют черный, золотой, желтый (см. подробно в: [19]); в) «Время суток»: Тихими золотеющими пятнами светились среди темной, еще ночной листвы ветки ив, озаренные первым солнцем [10, т. 4, с. 24]; г) «Далекое прошлое»: Древность облекалась во множество красок и оттенков, соединявших кинозвезд скал с оливковой листвою и темное золото заката с воздухом лилового вечера [10, т. 5, с. 147]. Более того, с помощью колористических дескрипций листвы фиксируется само течение времени: вокруг стволов лежали круги от палых листьев. Деревья начинали желтеть снизу: я видел осины, красные внизу и совсем еще зеленые на верхушках [10, т. 6, с. 158], устанавливаются экзистенциальные параллели: Мосье Говас смотрел на весну и печально покачивал головой – жизнь выбросила его в мир, как ветер сдувает с зеленого листика толстую божью коровку [10, т. 4, с. 172].

Изложенное свидетельствует, таким образом, о значимости цветового представления о листве в языковом сознании художника слова, реализующего в тексте функциональный потенциал цветовых дескрипций листвы, с одной стороны, о широте возможностей, которые предоставляет язык в реализации цветового впечатления о листве – с другой.

Рекламный дискурс. Цвет листвы. Сделанные нами в ходе описания сегмента цветовой концептосферы флористического пространства прозы К. Г. Паустовского наблюдения: многочисленность и многообразие колористических дескрипций листвы, их функционал, в частности продуктивность создания цвето-обозначений на основе цветового описания листвы, – обуславливают наше обращение к рекламному дискурсу, природа и функциональная специфика которого детерминируют актуализацию изобразительно-выразительных

возможностей языка, проявляют креативный потенциал носителей обыденного языкового сознания (не только копирайтеров) в создании «продающих» текстов.

Обращение к современным рекламным текстам, размещенным на сайте «Авито» [11], позволило установить свидетельствующий о значимости цветового представления о листе факт функционирования 12 ТЦ, созданных на основе колористической дескрипции листы. В алфавитном порядке (ср. с зафиксированными в словарях цвета: [13, 14]): цвет ранней листы; сочной молодой листы; спелой листы; весенней листы; зеленая листва / зеленой листы; молодой зеленой листы; молодой листы; опавшей листы; осенней листы; первой листы; сочной листы; темной листы. Выявленные ТЦ коррелируют преимущественно с номинациями товаров, относимых к категории «Одежда, обувь, аксессуар», реже – «Ремонт и строительство», «Мебель и интерьер». В контекстах: сумка женская Mohito, цвет зеленой листы [11]¹; жакет в стиле Шанель, цвета осенней листы; кардиган цвета опавшей листы.

Выявленные ТЦ актуализируют преимущественно значение 'зеленый', что обусловлено прототипичностью цвета листы: «цвет листы традиционно является прототипом цвета: зеленый 'цвета травы, листы'» [2, с. 93], а также значения 'желтый' и 'коричневый'. Значение ряда ТЦ зиждется на темпоральной характеристике: нарядное платье, цвет молодой листы; на признаке интенсивности цвета, степени светлоты: брюки вельветовые Massimo Dutti цвета темной листы. Широко распространены ТЦ, в основе которых – комплекс признаков, обеспечивающий синергетический эффект воздействия на потребителя (ср. с дескрипциями, фиксируемыми в прозе К. Г. Паустовского): топ Balensiaga, нежного цвета, ранней листы; рубашка насыщенного цвета первой листы от Dresscod; платье Michael Kors, цвет яркий, сочной молодой листы; шарф женский декоративный, но теплый, яркий весенний цвет молодой зеленой листы [11]. Примечательно, что рекламный текст фиксируют и процесс создания ТЦ: ботинки из натуральной кожи Paolo Conte, стильный цвет под осеннюю листву; плащ Samange. Цвет по факту немного отличается: он более теплый, похож на цвет молодой весенней листы [11].

В «продающих» текстах находит отражение стремление его создателей точно передать значение цвета (прагматический аспект), для чего приводится 1) синонимичный, «уточняющий» цвет: школьная форма Marks & Spencer, цвет темно-темно-зеленый, как цвет листы у роз; 2) информация из профессионального каталога цвета: аэрозольная краска зеленая листва, RAL 6002; 3) фото, сопровождаемое комментарием, который акцентирует корректность передачи цвета: свитер Giada, очень красивый цвет молодой листы, фото 3, 5 передает цвет; платье Max Mara цвета сочной листы (на фото ушло в изумруд) [11]. Выявленные ТЦ несут отпечаток оценочности (стильный, модный): комбинезон Reima цвета весенней листы для модного мальчика (или девочки); также эмоциональной (очень красивый, прекрасный): стильный пуловер прекрасного зеленого цвета молодой листы; косуха очень красивого насыщенного цвета «осенней листы», транслируемый и с помощью паралингвистических средств: кроссовки MaxMara яркого желтого цвета, как осенняя листва:))) [11]. Более того, рекламный текст эксплицирует и креативную роль носителя языкового сознания: шторы, цвет осенней листы (мы так называли), фиксирует расширение лексической сочетаемости: свитшот J.Crew, темно-зеленый цвет, спелой листы [11].

Таким образом, обращение к рекламному дискурсу подтвердило значимость колористического представления о листе в языковом сознании современных носителей языка, выявило продуктивность в условиях рекламного текста

¹ Здесь и далее источник иллюстративного материала – сайт «Авито» [11].

процесса продуцирования ТЦ на основе колористической дескрипции листы, реализацию рекламной функции ТЦ.

Заключение

В результате проведенного полидискурсивного исследования, цель которого – раскрыть функциональный потенциал колористических дескрипций листы на основе реконструированного сегмента цветовой концептосферы русского языка, выявить степень их активности и продуктивности в создании ТЦ, получены следующие результаты:

1. При обращении к художественному тексту: выявлен состав и описана специфика использования принимающих участие в колористической визуализации листы цветообозначений; раскрыт свидетельствующий о значимости цветового представления о листе в языковой картине мира писателя актуализируемый К. Г. Паустовским посредством изобразительно-выразительных средств языка функциональный потенциал описаний листы.

2. При обращении к рекламному тексту: расширен за счет реализации прототипической функции ТЦ, а также креативного начала носителей обыденного языкового сознания состав фиксируемых словарями цвета цветообозначений, основанных на колористической дескрипции листы, количество которых и специфика функционирования подтверждают продуктивность модели образования искомых ТЦ и их востребованность. Инвентаризация и каталогизация данных ТЦ, анализ особенностей их использования, описание сферы денотации вносит вклад в создание по возможности полной версии описания цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Полученные результаты свидетельствуют о значимости колористической дескрипции листы в языковом сознании современного носителя языка; демонстрируют продуктивность полидискурсивного исследования цветовой концептосферы.

Л и т е р а т у р а

1. Кульпина В.Г. *Лингвистика цвета*. Термины цвета в польском и русском языках. Москва: Московский лицей; 2001:470.
2. Кульпина В.Г. *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветковых концептосфер*. Москва: МАКС Пресс; 2019:288.
3. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: стилистические функции терминов цвета в разных дискурсивных средах. *Язык, сознание, коммуникация*. Москва: МАКС Пресс, 2017;56:14-26.
4. Подюков И.А. Цветовые универсалии в народной лексике природы. Умозрение в красках. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения»–IV, «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи»–VIII. Усолье: Палаты Строгановых. 2011:7-10.
5. Кокорин С.А. Поэтика цвета как средство отражения внутреннего мира лирического героя в поэтическом тексте С. А. Есенина. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2016;(4):161-165.
6. Камаль З.А. *Флористическая лексика в лирике С. Есенина*: Автореф. дис. ... к. филол. н. Воронеж, 2011:24.
7. Макевнина И.А. Поливариативное звучание лексемы красный и ее производных в поэтической системе Варлама Шаламова. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016;(8-2):36-39.
8. Акулинина Е.П. *Система флористических текстовых единиц в творческой картине мира Б. Л. Пастернака*: Автореф. дис. ... к. филол. н. Тамбов, 2009:23.
9. Яковлева С.В. Об особенностях перевода тропов на немецкий язык. *Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития*. 2019;(9):232-237.

10. Паустовский К.Г. *Собрание сочинений* : в 9 т. Москва: Художественная литература; 1981-1986.
11. Авито. Сайт рекламных объявлений. URL: <https://www.avito.ru/>, свободный (дата обращения: 24.07.2024).
12. *Русский ассоциативный словарь*. Под ред. Ю.Н. Караулова. Москва: Астрель: АСТ; 2002:784.
13. Харченко В.К. *Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское*. Москва: Лит. ин-т им. А. М. Горького; 2009:532.
14. *Цвет и названия цвета в русском языке*. Под ред. А. П. Василевича. Москва: КомКнига; 2005:216.
15. Сивова Т.В. Доминанты цвета флористического пространства прозы К. Г. Паустовского. *Когнитивные исследования языка*. 2021;3(46):639-643.
16. Сивова Т.В. Цвет герани в цветовой концептосфере русского языка. *«Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре*: Москва: ИКД «Зерцало-М». 2024:366-376.
17. Сивова Т.В. Как описать цвет камыша: опыт полидискурсивного исследования. *Когнитивные исследования языка*. 2024;58(2):211-214.
18. Фрумкина Р.М. Цвет. Смысл. Сходство. *Аспекты психолингвистического анализа*. Москва: Наука; 1984:175.
19. Кульпина В.Г., Сивова Т.В. Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь». *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 64 : сб. статей. Москва: Макс Пресс; 2023:26-54.
20. Сивова Т.В. Авторская концептуализация осени в романе К. Г. Паустовского «Романтики». *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект*. Владимир: Владимир. гос. ун-т. 2013:551-554.

References

1. Kulpina VG. *Linguistics of colour. Terms of colour in Polish and Russian*. Moscow: Publishing House "Moskovskiy litsey"; 2001:470 (in Russian).
2. Kulpina VG. *Linguistic Colourology: From History to Modernity of Colour Conceptual Spheres*. Moscow: MAKSS Press Publishing House; 2019:288 (in Russian).
3. Kulpina VG. Linguistics of colour: colour terms' stylistic functions in different discours environments. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moscow: MAKSS Press Publishing House; 2017;56:14-26 (in Russian).
4. Podyukov IA. Colour universals in the folk vocabulary of nature. Speculation in colours. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Stroganov Readings" – IV, "Linguistic and Aesthetic Aspects of text and speech analysis" – VIII*. Usolye: Stroganov Chambers. 2011:7-10 (in Russian).
5. Kokorin SA. Colour poetics as tool to reflect the inner world of persona in Sergei Yesenin verse. *Vestnik of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2016;(4):161-165 (in Russian).
6. Kamal ZA. *Floronyms in Sergei Yesenin's lyrics*. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Voronezh: Voronezh State University; 2011:24 (in Russian).
7. Makevnina IA. Polyvariant sounding of the lexeme *red* and its derivatives in V. Shalamov's poetic system. *Actual problems of humanities and natural sciences*. 2016;(8-2):36-39 (in Russian).
8. Akulinina EP. *Floristic text units: their role in B.L. Pasternak's the creative picture of the world*. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Tambov: Tambov State University; 2009:23 (in Russian).
9. Yakovleva SV. About specific character of trope translation into German. *Foreign language and culture in the context of education for sustainable development*. 2019;(9):232-237 (in Russian).
10. Paustovsky KG. *Collected Works*: in 9 vol. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publishing House; 1981-1986 (in Russian).

11. Avito. Advertising website. Available at: <https://www.avito.ru/> [Accessed 24 July 2024] (in Russian).
12. Karaulov YuN (ed.). *Russian associative dictionary*. Moscow: Astrel: Publishing House “AST”; 2002:784 (in Russian).
13. Kharchenko VK. *The dictionary of colour: actual, potential, author's*. Moscow: “Maxim Gorky” Institute of Literature; 2009:532 (in Russian).
14. Vasilevich AP. *Color and the color name in the Russian language*. Moscow: Publishing House “KomKniga”; 2005:216 (in Russian).
15. Sivova TV. Color dominants of the floristic space of Konstantin Paustovsky's prose. *Cognitive Studies of Language*. 2021;3(46):639-643 (in Russian).
16. Sivova TV. Colour geranium in the colour conceptsphere of the Russian language. In: *‘Language of flowers’ and flowers in language, literature and culture*. Moscow: Publishing House of ICD “Zertsalo-M”; 2024:366-376 (in Russian).
17. Sivova TV. How to describe the colour of a reed: the experience of polydiscursive research. *Cognitive Studies of Language*. 2024;2:211-214 (in Russian).
18. Frumkina RM. Colour. Meaning. Similarity. *Aspects of psycholinguistic analysis*. Moscow: Nauka; 1984:175 (in Russian).
19. Kulpina VG, Sivova TV. About publishing project “Linguistics of Color: Encyclopedia”. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moscow: MAKS Press; 2023;64:26-54 (in Russian).
20. Sivova TV. Author's conceptualization of the autumn in the novel by K. Paustovsky's “The Romantiki”. *Linguistic categories and units: the syntagmatic aspect*. Vladimir: Vladimir State University; 2013:551-554 (in Russian).

Сведения об авторе

СИВОВА Татьяна Викторовна – к. филол. н., доц. каф. журналистики, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь, ORCID: 0000-0002-8800-9987, Scopus Author ID: 57212221099, ResearcherID Web of Science MAH-8419-2025, SPIN: 2015-3818

E-mail: t.sivova@grsu.by

Information about the author

Tatiana V. SIVOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Journalism, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus, ORCID: 0000-0002-8800-9987, Scopus Author ID: 57212221099, ResearcherID Web of Science MAH-8419-2025, SPIN: 2015-3818

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 21.01.25

Принята к публикации / Accepted 10.02.25